

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Политология Востока в МГИМО — Университете

Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : РОССПЭН, 2002. 528 с.

Китай в мировой политике / отв. ред. А.В. Торкунов, вступит. слово А.В. Торкунова, отв. составитель А.Д. Воскресенский. М. : РОССПЭН, 2001. 528 с.

Азиатско-Тихоокеанский регион и Центральная Азия: контуры безопасности / под ред. А.Д. Воскресенского, Н.П. Малетина. М. : МГИМО — Университет, 2001. 355 с.

Северо-Восточная и Центральная Азия. Динамика международных и межрегиональных взаимодействий / под ред. А.Д. Воскресенского; отв. сост. и научн. ред. А.Д. Воскресенский, К.П. Боршишполец. М. : РОССПЭН, 2004. 472 с.

Политические системы и политические культуры Востока / под ред. А.Д. Воскресенского. Изд. 2-е, перераб. и доп., М. : Восток-Запад: АСТ, 2007. 827 с.

Политические системы и политические культуры Востока / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : Восток-Запад, 2006. 687 с.

Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / под руковод. и с предисл. А.В. Торкунова, научн. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. М. : МГИМО, 2007. 1040 с.

Этносы и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие / отв. ред. А.Д. Воскресенский, сост. и научн. ред. В.Я. Белокреницкий и М.А. Сапронова. М. : МГИМО — Университет, 2005. 576 с.

Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : Аспект Пресс, 2008. 512 с.

Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : МГИМО — Университет, 2010. 444 с.

В последнее десятилетие в мировой политической науке прослеживается тенденция к выделению региональных исследований в отдельное научное направление, обладающее собственным предметным полем и особым методологическим инструментарием. В России за последнее десятилетие сделан существенный шаг в разработке этого направ-

ления как на научном, так и на образовательном уровне. В основе направления лежат разработанные на факультете политологии и кафедре востоковедения факультета международных отношений МГИМО — Университета МИД России принципы «структурно-пространственного» («структурно-спатильного») анализа регионально-странового материала,

исходя из внутренней цивилизационно-географической и культурно-политической логики развития стран и регионов мира⁵. Такое определение региона позволяет расположить и исследовать материал в определенной «пространственной» (или «спатальной», если использовать политологический термин) системе координат⁶. Оно также помогает выявить, в какой степени историко-цивилизационные, этноконфессиональные и культурные особенности влияют на специфику эволюции и функционирования политических систем обществ определенного типа в разных регионах мира. Такое определение международно-политического региона хорошо соотносится с «расширительным» его определением⁷.

За последние несколько лет в МГИМО — Университете МИД России была

подготовлена целая серия изданий, посвященных комплексному анализу социально-политических проблем в современных регионах Азии и Африки с особым акцентом на сравнительные политологические методы исследования. Обобщающий взгляд на эту группу работ позволяет говорить о том, что рассмотрение специфики функционирования региональных подсистем на Востоке в контексте проблем глобального политического развития стало солидной основой как собственно исследовательского направления, так и, в частности, его учебно-практической составляющей⁸.

В настоящее время ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что любое теоретическое объяснение современных международных политических и экономических процессов не может считаться полным без анализа их специфики в западных регионах мира, поскольку именно к этой части земного шара относится большинство участников международной системы. Вместе с тем на протяжении достаточно длительного времени теоретическое осмысление особенностей азиатских и африканских регионов с точки зрения комплексного сравнительного политического анализа заметно отставало от рассмотрения аналогичных процессов в западном мире. Подобная ситуация зачастую приводила к тому, что теоретические подходы, основанные на западных реалиях, автоматически считались применимыми ко всем остальным частям земного шара, что в конечном итоге вызывало существенные искажения в понимании политических процессов в Азии и Африке, а искажения на уровне понимания вели к просчетам на уровне практики международного взаимодействия. В этом контексте суть более широкой научной проблемы, вскрытой в анализируемых нами политологических работах, заключается в разработке и применении в конкретном практическом анализе научных принципов

⁵ Воскресенский А.Д. Методологические основы политической компаративистики в мировом комплексном регионоведении и сравнительной политологии // Мировое комплексное регионоведение и международные отношения : учебно-методический комплекс по регионоведению : в 4 ч. Ч. 4 (т. 1); Магистерская программа «Исследования регионов и стран Азии и Африки» / Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России; редкол.: А.В. Торкунов (предс.) и др.; отв. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. М. : МГИМО (У) МИД РФ, 2005. С. 32.

⁶ Аргументацию см., в частности: Воскресенский А.Д. Теоретико-прикладные аспекты регионального измерения международных отношений // Современные международные отношения и мировая политика / отв. ред. А.В. Торкунов. М. : Просвещение, 2004. С. 494–500; Воскресенский А.Д. Предмет и задачи изучения региональных подсистем международных отношений // Восток/Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : РОССПЭН, 2002. С. 3–14; Воскресенский А.Д. Региональные подсистемы международных отношений и регионы мира (к постановке проблемы) // Восток — Запад — Россия. М. : Прогресс-Традиция, 2004. С. 141–144.

⁷ Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : МГИМО, 2002. С. 9.

⁸ Там же. С. 3–14.

определения соотношения общих (общеполитических) и специфических (региональных/страновых) закономерностей.

Эти дискуссионные вопросы были обозначены в коллективной монографии преподавателей МГИМО — Университета «Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений» и задали вектор дальнейших исследований в данной области.

За последние десятилетия процессы регионализации стали важным аспектом политической и экономической трансформации мировой системы, что подчеркивает значимость востоковедной политологии. Если рассматривать глобализацию как «возникновение новой системы мирового хозяйствования», а регионализацию — как «формирование экономических связей в регионе на основе географической расположенности государств»⁹, то эмпирический материал двух последних десятилетий показывает, что экономические связи всех видов развивались преимущественно между странами относительно сопоставимого уровня развития и во многом на региональном уровне. В интеграционных группировках наблюдается выход воспроизводства за национальные границы, но поскольку внутри каждой из них государства-члены обладают определенными преимуществами при перемещении капиталов, товаров и услуг, то происходит выход не на мировой, а на региональный рынок. Эффективность такого рода экономических группировок нередко привлекает новых членов, тем самым пространственно расширяя этот сегмент мирового хозяйства. Но большая выгода, а зачастую и большая безопасность операций внутри объединения из-за ослабления внешней конкуренции и усиления переговорных позиций ведут к опережающему росту внутрирегиональных связей по сравнению с международными. По достижении определенного момента («критической массы») регионализация может начать

сдерживать глобализацию, так как последняя может оказаться менее выгодной и более рискованной, либо бросать ей своеобразный «региональный» вызов, корректируя направление ее развития.

Специалисты МГИМО в анализируемых книгах уделили большое внимание деятельности различных региональных интеграционных группировок, представляющих собой добровольное объединение ряда стран конкретного региона, основанное на международных соглашениях для достижения какой-либо общей провозглашенной цели, как правило, в сфере экономики. Возникновение региональных объединений в целом накладывает определенные ограничения на мирового лидера, поскольку они, как правило, выступают против «унилатерализма» США. Так, «многополярность — естественная цель асеановского подхода к преобразованию международных отношений»¹⁰, а Группа Рио «сумела занять позицию, ясно показывающую, что любые рецидивы прошлого, связанные с односторонними акциями США... будут встречать противодействие со стороны ведущих стран региона»¹¹.

Проведенный анализ четко продемонстрировал, что существуют различные типы региональных интеграционных группировок. Первый тип (ЕС, МЕРКОСУР) с самого начала преследовал, главным образом, достижение экономических целей. Политическое же взаимодействие лишь способствовало осуществлению этих задач, хотя на дальнейшем этапе развития стало приобретать и самостоятельное значение. Второй тип (ОЭС) ставит во главу угла политические цели, и результативность подобной региональной интеграции весьма сомнительна. В то же время очевидно, что за общим понятием «регионализм» могут скрываться самые различные процессы и явления, а следовательно, от типа (открытый/закрытый) и характера регионализма зависит и его влияние на международные отношения.

⁹ Там же. С. 8.

¹⁰ Там же. С. 464.

¹¹ Там же. С. 143.

Необходимо отметить, что рост межгосударственного взаимодействия на региональном уровне в качестве значимой тенденции мирового развития определяют не только экономические, но также *политические* и *культурно-цивилизационные факторы*. В связи с этим весьма вероятен переход мировой системы именно к многополярному и многоцивилизационному миру, с усилением интеграции внутри регионов и проявлением противоречий между ними — культурными, экономическими, политическими и иными. Существует достаточно фактов, чтобы рассматривать регионализацию не как промежуточный этап на пути глобализации, а как конечную цель на данном историческом этапе развития человечества, т.е. она может стать (но может и не стать) препятствием на пути дальнейшего развития этого комплексного макропроцесса. В рамках такого концептуального объяснения макрорегиональные комплексы (Восточная Азия, ЕС и др.) могут выступать в качестве прообразов полюсов новой полицентричной мировой системы.

В данном контексте особую актуальность приобретает вопрос о том, какие политические принципы определяют на современном этапе функционирование восточных обществ в отдельности и восточных регионов в целом, как эти общества реагируют на глобальные политические процессы, что определяет тенденции политической модернизации в странах Азии и Африки, как эти страны воспринимают политическую модель «экстралиберальной демократии американского типа», продвигаемую США по всему миру, и какие альтернативные модели политического развития, и, в частности, модели демократии, формируются на Востоке¹². Этот комплекс проблем был рассмотрен в двух книгах коллек-

тивной монографии **«Политические системы и политические культуры Востока»**. Раскрытый и глубоко проанализированный материал органично восполнил пробел, связанный с недостатком мировой и отечественной исследовательской политологической литературы, посвященной особенностям политических систем и политических процессов на Востоке. Подача материала в монографии исходит из «внутренней цивилизационно-географической и культурно-политической логики развития восточных стран»¹³.

Поскольку монография выступает в первую очередь как компаративистское исследование; существенную часть работы занимает обоснование методологических основ классификации политических систем стран Востока по формам правления, типам политической культуры и т.д. Особенности политической культуры стран Востока предстают прежде всего в виде «переплетения черт и элементов, институтов, стереотипов мышления, норм и обычаев, традиционных для афро-азиатских народов, с заимствованиями из теории и практики западного мира»¹⁴.

В то же время анализ политической жизни современных стран Востока не мог бы считаться полным без ее международно-политической составляющей. Существенное внимание исследователями МГИМО было уделено генезису и закономерностям развития региональных подсистем. Значимость данного исследовательского направления напрямую обусловлена необходимостью дать существенную оценку нового этапа международных отношений, а также проанализировать проблемы глобального лидерства с учетом региональных тенденций. Данный комплекс проблем рассматривается специалистами МГИМО — Университета в монографиях **«Китай в мировой политике»**, **«Азиатско-Тихоокеанский регион и**

¹² Детальная классификация с развернутыми сущностными объяснениями представлена в авторской версии в книге: Воскресенский А.Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. М. : Аспект Пресс, 2007. С. 166–168.

¹³ Политические системы и политические культуры Востока. М. : АСТ: Восток — Запад, 2007. С. 8.

¹⁴ Там же. С. 118.

Центральная Азия: контуры безопасности», «Северо-Восточная и Центральная Азия: динамика международных и межрегиональных взаимодействий», «Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации».

Подход, в рамках которого основное внимание было привлечено к Северо-Восточной и Центральной Азии, в целом представляется достаточно обоснованным. Китай — крупнейшая полупериферийная страна и региональная держава, которая в настоящее время превращается в центр отдельной подсистемы международных отношений (Большая или Расширенная Восточная Азия и «Большой Китай»¹⁵, постепенно становясь основным (хотя и гипотетическим) кандидатом на статус второй сверхдержавы. В книге справедливо отмечено, что «именно Китай, скорее всего, способен бросить вызов Западу, и прежде всего США»¹⁶. По объему ВВП (в расчете по паритету покупательной способности) КНР вышла на второе место в мире, Япония переместилась на третье, хотя экономический кризис ставит под сомнение простые количественные параметры развития стран и регионов. Азиатско-Тихоокеанский регион является наиболее динамично развивающимся районом земного шара, и Дальний Восток России — ворота страны в эту бурно развивающуюся макрону, переформатирование которой после экономического кризиса повлияет на всю мировую систему отношений. Экономический потенциал Сибири и Дальнего Востока огромен, именно здесь лежит возможность для РФ стать действительно мощной евразийской державой, но и вызовы для России, исходящие из этого макрорегиона, также нельзя сбрасывать со счетов.

Особую сферу востоковедной политологии образует оформившаяся недавно

проблематика, связанная с рассмотрением специфики развития центральноазиатских обществ. Сложности анализа процессов, происходящих в данном регионе, в немалой степени проистекают из несформированности данной проблематики в советский период. Вплоть до конца 1980-х — начала 1990-х гг. центральноазиатские общества рассматривались в основном как часть общесоветского экономического, политического и культурного пространства, внутри которого особенности национального социально-исторического опыта жестко ограничивались общими «закономерностями» эволюции советского социума. Однако возникновение пяти независимых центральноазиатских государств, фактически образовавших новый субрегион на евразийском пространстве, привело к существенным изменениям в международно-политической ситуации и закономерной потребности в адекватном анализе данных процессов, особенно в связи с появлением новой международной региональной организации ШОС (Шанхайская организация сотрудничества).

Пристальное внимание авторов привлекли контуры безопасности и динамика взаимодействий в регионе. За 1990-е гг. республики Центральной Азии стали сильно различаться по самым разнообразным параметрам, включая политические, социально-экономические и культурно-цивилизационные. В этих условиях, как отмечают авторы, на формирование системы региональной безопасности «определенное позитивное воздействие может оказать и в целом стабилизирующий на сегодня внешний фактор: это и влияние многостороннего сотрудничества в рамках ШОС, и определенная активизация России и Китая в Центральной Азии... и в целом, пусть и не вполне однозначная, роль американского присутствия в регионе»¹⁷.

¹⁵ Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : МГИМО — Университет, 2010.

¹⁶ Китай в мировой политике. М. : РОССПЭН, 2001. С. 481.

¹⁷ Северо-Восточная и Центральная Азия. Динамика международных и межрегиональных взаимодействий / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : РОССПЭН, 2004. С. 447.

Наращивание темпов глобализации и обострение связанных с нею проблем, с одной стороны, и усиление региональной составляющей мировых экономических процессов, с другой, актуализирует задачу проведения региональных срезов мировых проблем, к числу которых, бесспорно, относится и проблема энергетической безопасности. Как стоят эти проблемы в региональном измерении? Способствуют ли эти проблемы центристским тенденциям в отдельных регионах и подрегионах или, наоборот, ведут к разобщению и дальнейшему разделению по «национальным квартирам»? И если интеграционное начало превалирует на региональном уровне, а глобалистские антикризисные механизмы пробуксовывают, то смогут ли ответить на новые вызовы региональные структуры политической и экономической безопасности?

Пожалуй, одним из центральных концептов монографии «Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии», «стягивающим» воедино достаточно разнонаправленный и многоплановый комплекс затронутой в ней проблематики, можно назвать идею о новой роли геоэкономической составляющей в международных отношениях постбиополярного периода. Как отмечал один из авторов книги А.Ф. Клименко, «эволюция военной стратегии в условиях глобализации во многом обусловлена сменой геополитической парадигмы на геоэкономическую»¹⁸. Иными словами, основным источником противоречий между акторами международных отношений выступают в первую очередь геоэкономические факторы, т.е. экономическая составляющая во многих случаях начинает превалировать над военными и политическими интересами. Что же касается геополитических трендов, то в свете «новых угроз» (к числу которых отно-

сятся наркотрафик, исламский терроризм и т.д.), как было подмечено А.Д. Богатуровым, они парадоксальным образом выступают, скорее, объединяющим, гармонизирующим фактором¹⁹.

Новая роль геоэкономической повестки дня проявляется, в частности, в переосмыслении ключевых для теории международных отношений концептов. Например, в контексте ключевой для данной работы проблемы энергетической безопасности понятие «сферы влияния» получает трактовку как «гарантированный доступ к ресурсам», обеспеченный прежде всего экономическими и дипломатическими средствами.

Книга структурирована по трем крупным разделам, каждый из которых является собой самостоятельный исследовательский блок, подчиненный собственной логике аналитического повествования. Первый блок, носящий больше концептуально-постановочный характер, посвящен геоэкономическим и геостратегическим факторам энергетических измерений, а также обоснованию геопространственных аспектов глобальной и региональной энергетической безопасности. Тематика второго блока («Природно-географические и военно-политические факторы и риски») смещена в сторону военно-политической ситуации в Большой Восточной Азии и отдельных ее подрегионах, с упором на энергетическую проблематику в повестке дня международных структур региональной безопасности. Наконец, третья, заключительная часть книги знакомит читателя с регионально-страновыми аспектами проблемы энергетической безопасности, делая упор на ситуацию внутри Китая, Японии и Индии, являющихся основными акторами и партнерами России по энергетическому диалогу.

Безусловно, артикулированная в монографии тематика «энергетических измерений» международных отношений не ограничивается узкосмысловым либо технократическим аспектами. Ясно, что,

¹⁸ Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / под рук. и с предисл. А.В. Торкунова, научн. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. М.: МГИМО, 2007. С. 201.

¹⁹ Там же. С. 108.

как отмечала И.Д. Звягельская на примере Кавказа и стран Центральной Азии, экономические проекты во все большей степени зависят от политической конъюнктуры²⁰. В этой связи большое, а в некоторых главах и центральное место занимает конкретика политической ситуации в странах региона, исторический бэкграунд их взаимоотношений, даже особенности политической культуры (например, в странах Центральной Азии). В частности, глава о восточноазиатской «сфере процветания», написанная В.А. Корсуном, позволяет более выпукло взглянуть на современную проблему японо-китайского соперничества за энергетические ресурсы, имеющую глубокую историческую подоплеку.

Естественным для подобного рода работы является «россицентричный» взгляд на проблему энергетической безопасности, предполагающий выбор в качестве точки отсчета сферы национальных интересов России как страны-поставщика энергетических ресурсов на мировые рынки. И это выглядит естественным. Именно благодаря положению «мировой углеводородной державы», обладающей ядерными ракетами, Россия де-факто восстановила свой мировой статус, сырьевое и ядерное «качество» которого, впрочем, явно не устраивает значительную часть российской политической элиты²¹. Вместе с тем сам характер внешнеэкономических связей России, отражающий сырьевую однобокость ее экономической специализации, диктует ее заинтересованность в нахождении максимально кооперативистских подходов к решению проблемы, в обеспечении прозрачности, открытости и предсказуемости энергетических рынков, становлении справедливых и равноправных механизмов региональной интеграции. Важно закрепить эти механизмы на многостороннем уровне, обеспечив на их основе стратегию «энергетического соразвития»

(термин В.В. Михеева)²². С этой точки зрения пристального внимания заслуживают содержащиеся в монографии конкретные предложения по развертыванию такого сотрудничества, например, по созданию коллективных стратегических запасов нефти, защите окружающей среды и задействованию механизмов Киотского протокола, предотвращению конфликтов на базе энергетического сотрудничества и проч.²³.

Монография представляется крайне востребованной и в связи с тем обстоятельством, что стратегическое планирование нефтегазовой отрасли России оказывается невозможным без учета процессов энергетического сотрудничества в восточноазиатском регионе, который приобретает все большее значение во внешнеэкономических связях Москвы и принятой ею долгосрочной стратегии развития энергетической отрасли. Россия намерена уделять странам АТР все большее внимание именно по той причине, что именно этот регион является наиболее активным покупателем энергоресурсов, обеспечивая до 45% перспективного прироста мирового спроса на нефть. Реальная постановка для России вопроса об «энергетических измерениях» заключается не в том, чтобы позиционировать Дальневосточный и Восточносибирский регионы в качестве сырьевого придатка ее восточных соседей, а в том, чтобы использовать энергетические связи со странами Северо-Восточной Азии в качестве ресурса для развития Востока России.

С этой точки зрения требует дальнейшей проработки вопрос о переориентации энергетических отношений России со странами региона, развивающихся пока в основном в плоскости отношений поставщика и покупателя энергоресурсов, в направлении технологического сотрудничества с ними. На передний план наших взаимоотношений в сфере энергетики должны выходить проекты сотруд-

²⁰ Там же. С. 370.

²¹ Там же. С. 46.

²² Там же. С. 66.

²³ Там же. С. 187–190.

ничества в сфере энергосбережения, реализация которых позволила бы России достичь реального снижения энергозатрат на производство единицы ВВП и повышения эффективности энергопользования. В этой связи пристального внимания заслуживает, например, формат и содержание действующих межправительственных соглашений Японии с азиатскими странами, регулирующих вопросы сотрудничества в области энергосбережения.

Поднятый в монографии комплекс проблем заставляет задуматься и о конфронтационном потенциале, заложенном в естественных противоречиях между интересами стран-поставщиков энергосырья (России) и его покупателями. В книге отмечается, что процесс постепенной интеграции стран ВА в энергетической сфере, целесообразный с точки зрения преимуществ крупномасштабного производства, требует от стран региона выработки общих или достаточно близких принципов обеспечения энергетической безопасности, которые бы непосредственно отражали интересы Восточной Азии на международной арене²⁴. Особую актуальность данный вопрос приобретает и в свете того, что в отдельных сегментах мирового рынка углеводородов, например на рынке сжиженного природного газа (СПГ), наблюдается превышение предложения над спросом, что создает ситуацию «рынка покупателя»²⁵. Применительно к региону БВА ситуация «диктата покупателя» пока еще не проявила себя в полной мере, и можно говорить пока лишь об успешных попытках добиться консенсуса по политическим аспектам энергетической безопасности²⁶. Однако даже с учетом уже достигнутого, пока еще не слишком высокого, уровня институционализации азиатской региональной интеграции Россия должна быть готова к тому, что новые экономические структуры в регионе (например, «восточноазиатский саммит» или

«АСЕАН плюс три»), помимо координации энергетической политики и технологического сотрудничества, объективно возьмут на себя функцию субъекта переговорного процесса с поставщиками энергоресурсов, отстаивающего консолидированную позицию региона-потребителя. Этому учит, в частности, пример Европы, где в сфере поставок газа России приходится иметь дело с консолидированной позицией блока стран — членов ЕС.

Еще одному важному аспекту социально-политической ситуации в странах современного Востока посвящена коллективная монография «Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные». Актуальность данной темы не вызывает сомнений. Природа конфликтов и специфика их манифестаций помогают понять многие явления внутривнутриполитической жизни и межстрановых отношений стран современного Востока. По мнению Б. Бузана, вопрос об этнической идентичности, если он поднят на достаточно высоком уровне, может трансформироваться в политические вопросы о правах этнической группы и ее автономии внутри государства, о легитимности правительства, политическом участии и даже целостности государства²⁷.

Бесспорно, обобщение феномена этноконфессиональных конфликтов, выделение его специфических характеристик крайне затруднено в силу гетерогенности социально-политической среды на Востоке, многовариантности и неоднозначности условий и факторов конфликтогенеза. К их числу следует, возможно, отнести волатильность состава самих этнических групп, неустойчивость систем политической власти, взаимодействие этноконфессиональных и т.д. Следует также учитывать достаточно малый, по историческим меркам, путь большинства стран Востока

²⁴ Там же. С. 164.

²⁵ Там же. С. 773.

²⁶ Там же. С. 164.

²⁷ Подр. см.: Buzan, B., Wæver, O., de Wilde, J., 1998. *Security — A New Framework for Analysis*, Lynne Reiner Publishers, Boulder, Colorado, 1998, pp. 119–140.

ка, которые, обретя независимость, так и не сумели, по словам российского исследователя В.В. Наумкина, адаптироваться к индустриальным и рыночно-капиталистическим условиям, приспособить к ним собственные культурные традиции²⁸, что создает дополнительные трудности для типологизации конфликтов и подгонки их под единые теоретико-схематические стандарты. По этой причине предпринятые в монографии попытки умеренного обобщения с использованием единых для всего региона критериев конфликтов не претендуют на универсализм.

Проблема этноконфессиональных конфликтов рассматривается в привязке к двум макрорегионам: Африки и Большого и Среднего Востока и Большой Восточной Азии. Типология конфликтов основана как на ретроспективном анализе этноконфессиональных, политических, социально-экономических корней, так и с помощью конъюнктурных срезов нынешней ситуации в отдельных странах и регионах. Так, межэтнический конфликт в Ираке, проявляющийся ныне в кровопролитной межконфессиональной войне, становится более понятным с учетом традиционной оппозиционности шиитов к любой власти, имеющей глубокую историческую подоплеку. Подробное изложение темы этногенеза курдского народа и его истории позволяет получить более полное представление о современной постановке проблемы Курдистана на внутривосточной и международной повестке дня стран всего региона Среднего Востока.

Особенность каждой из конфликтных ситуаций показана прежде всего в контексте конкретной политической ситуации. Например, в разделе, посвященном палестино-израильскому конфликту, указывается на его асимметричность с точки зрения состава участников, в число которых входят и части регулярной армии, и нерегулярные вооруженные формирования, и многочисленные общественные

движения. Специфика конфликтов показана также в особенностях динамики их протекания и взаимосвязи различных их состояний. Так, тот же палестинский конфликт, имея природу этнотерриториального и этнополитического, в результате прихода к власти радикальных религиозных кругов приобретает этноконфессиональное измерение.

Существенное место в монографии занимает так называемая буферная зона — страны Центральной Азии в лице Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана, а также Пакистан (раздел БВА) и Афганистан в разделе Большого Среднего Востока. Тесное переплетение межэтнических и межконфессиональных связей, их сложность и противоречивость генерируют высокий потенциал конфликтности в данном регионе, имеющем для России стратегическое значение. В этой связи монография имеет большое прикладное значение не только в плане обеспечения учебного процесса, но с точки зрения информирования тех звеньев российского политического истеблишмента, которые занимаются практическими задачами по разработке и реализации государственной политики на Востоке.

Другое перспективное направление исследований в рамках «востоковедной» политологии — анализ мирополитического взаимодействия и макрорегиональных трансформаций в регионах мира, предложенный вниманию читателя в книге **«Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации»**, посвященной анализу актуальных международно-политических и экономических тенденций развития этого одного из самых перспективных макрорегионов мира. В ней комплексно освещаются проблемы политических и экономических изменений, геополитических рисков, аспекты энергетической безопасности, вопросы военно-технического сотрудничества, вопросов, связанных с появлением новых угроз и вызовов безопасности, интеграционных трендов, которые позво-

²⁸ URL: www.globalaffairs.ru/books/11233.html

ляют говорить о процессах «стяжения» субрегионов Северо-Восточной, Юго-Восточной, Южной и Центральной Азии в единый макрорегиональный комплекс «Большой Восточной Азии». Также подробно анализируются центробежные и центростремительные тенденции в Восточной Азии, освещается роль многосторонних диалоговых структур. Особое внимание уделяется вопросам, связанным с перспективами интеграции России в формирующийся макрорегион. Рассматриваются перспективы выстраивания эффективной российской внешней политики на восточноазиатском направлении.

Как и в предыдущих исследованиях, результаты этого политологического проекта могут быть рекомендованы к использованию в учебном процессе. Его целью является выработка у магистрантов знаний, умений и навыков, необходимых для профессионально-экспертного анализа роли и места Большой (в другой терминологии — расширенной) Восточной Азии в современных международных отношениях и мировой политике, политики основных государств региона (РФ, КНР, США, Японии, КНДР, Республики Корея) в условиях новых макрорегиональных трансформаций, вызванных геополитическими потрясениями конца XX в., усилением как мировых глобализационных трендов, так и их региональной составляющей и региональным противодействием, а соответственно, процессами региональной интеграции как составной части мирополитического взаимодействия. Особое внимание в этой связи обращается на ликвидацию существующих и предупреждение новых и нетрадиционных угроз и вызовов развитию региона. Подробно, в дискуссионном плане, освещается восточноазиатская политика России, ее сильные стороны и «узкие места», а также возможные пути укрепления позиций РФ в Восточной Азии.

Подводя итог, можно отметить следующее. Коллективные работы политологов-востоковедов МГИМО, представ-

ленные в настоящем обзоре, не только являются весьма значимыми и полезными для учебного процесса, хотя бы только потому, что им просто очень трудно найти аналоги на рынке исследовательской и образовательной литературы России, они также вносят существенный вклад в теоретическое осмысление процессов, проходящих в многообразном постбиполярном мире, формируя тем самым целый комплекс учебной литературы нового типа, со значительным, а в большинстве случаев и превалирующим исследовательским компонентом. Книги довольно легко читаются, отличаясь при этом глубокой фундированностью и высоким качеством подготовки. Все это позволяет рассчитывать как на достаточно широкую для такого рода изданий аудиторию, так и на большой интерес специалистов и политиков, о чем свидетельствует их быстрая раскупаемость и востребованность читательской аудиторией.

**Д.В. Стрельцов,
С.И. Лунев,
Е.В. Колдунова**

В.В. Михеев. Китай — Япония: стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире. М. : ИМЭМО РАН, 2009. 360 с.

В настоящее время Япония и Китай являются ключевыми акторами в регионе Восточной Азии, где они предстают в виде двух полюсов, определяющих региональный баланс сил и формирующих региональную подсистему международных отношений. Таким образом, в процессе взаимодействия два государства оказывают большое влияние не только друг на друга, но также и на состояние восточноазиатского регионального контекста в целом.

Японо-китайские отношения имеют продолжительную историю и характеризуются разнообразием противоречивых и